

Когда я проснулась утром, лучи солнца чудесно заливали каюту через иллюминаторы. Я слегка зевнула. Мне было так спокойно. Было чувство, что я проспала целые сутки. У меня разыгрался зверский аппетит. Очень хотелось пить. Я хотела потянуться, но обнаружила, что руки у меня закованы. Я сразу вспомнила, где я, и зачем я здесь. Мои глаза наполнились слезами. Теплый солнечный свет сразу забылся, как только я вспомнила, что со мной вытворяли за последние три дня. Я лежала и старалась не создавать шума, тихо всхлипывая от воспоминаний. Если ОН прав, я никогда не увижу ни друзей, ни семью. Моя семья, видимо, места себе не находит, а друзья уже пошли в школу, и у них начался новый этап в жизни, пока надо мной здесь издевались и подвергали унижительному сексу. И хуже всего, что я всё-таки отдалась ЕМУ. Я была так зла на себя, и злость начала расти во мне. Я хотела умереть от стыда, но сначала забрать их с собой. Но, всё же, мне пришлось вернуться к реальности.

Я начала исследовать свои болячки. Плечи еще побаливали, но, к удивлению, уже не так сильно, как 12 часов назад. Бедра также болели, и даже приносили больше дискомфорта, чем плечи. Пирсинг у сосков покраснелся и немного горел. На грудях еще остались отметины от веревок. Вагина воспалилась, но это и понятно, исходя из того количества секса, что ей пришлось пережить. Стоило мне чуть подвигаться, и начинала зудеть попка. Поверить не могу, что я уснула с этой ужасной штукой в ней. Синяки и рубцы на зад, животе, спине и бёдрах меня совсем не беспокоили. Локоть и колено побаливали, но, похоже, не были повреждены. Мне еще повезло — могло быть всё гораздо хуже. Я лежала уже час, размышляя сама с собой, стараясь не двигаться и не издавать ни звука. О боже, как я была наивна и романтична, хотя, к моему счастью, во мне был силен прагматизм. Я сделаю всё, что нужно, чтобы выжить и спасти семью. Я ощупала ошейник, и не могла поверить, как я могу быть чьей-то собственностью. Никогда не увидеть родителей. Друзей. Как такое может случиться в современном мире. Но вот я тут. Вдруг, я заметила, как Боссман вошел из камбуза, и я попыталась завернуться в простыню. Он шел так тихо, что только запах кофе из его кружки, выдавал его.

Увидев, что она заметила его, он придвинул кресло к её кровати и предложил её кофе. Она взяла его своей свободной правой рукой. Он, потягивая из кружки, тихо спросил: — Ну, как поживает моя рабыня?

Я запнулась, услышав, как он меня назвал. Моё истинное положение обрушилось на меня. Я поняла, что нельзя больше медлить с ответом.

— Нормально, — лаконично ответила я.

Он внимательно глянул на меня и продолжил.

— Нам нужно серьезно поговорить. Ты вчера сказала, что отныне будешь повиноваться. Тебе дали шанс немного отдохнуть. Теперь мне интересно, у тебя те же намерения?

Я облизала губы, но не могла смотреть на него. Я поняла, что решается моя судьба. В итоге, я кивнула.

— Мне нужно это слышать, — повторил он. — Скажи, что принадлежишь мне.

Я пристально глядела на него, затем посмотрела в иллюминатор. Тихий и спокойный океан. Ни птиц, никого. Даже ветер, казалось, замер в ожидании моего ответа.

И всё же я прошептала, — Я принадлежу вам.

— Я не слышу тебя, скажи это снова и громко.

— Я принадлежу вам, — более нормальным голосом сказала я.

— Так лучше, — ответил он. — Так как ты?

— Прошу, не заставляйте говорить меня это.

— Девочка, за последние три дня ты прошла через ад, — он запнулся и продолжил, — начну сначала. После того, что мы сделали с тобой, ты уже не девочка, ты женщина. Если ты решила передумать, что ж делай это сейчас. Если ты думаешь, что ты лишь скажешь, что я хочу услышать, а затем сделаешь какую-нибудь глупость, типа побега, молись о смерти. Или ты сломалась вчера, или нет. Если нет, ты и следующую ночь спокойно поспишь. Только тебе следует знать, что придется просидеть на козлах еще шесть часов, а электрические украшения побудут и того дольше. Я не хочу тебя калечить, но ты будешь мне подчиняться. Или ты скажешь мне, кто ты, или мы снова займемся делом. Твой выбор, и делай его сейчас. Так, кто ты?

Я поглядела на простыню, покрывающую мое обнаженное тело.

— Я рабыня и принадлежу вам.

— Скажи снова, — скомандовал он, — громче!

— Я рабыня и принадлежу вам.

— Хорошо, не так ведь сложно?

До меня дошло, что вот сейчас этим утверждением я вдруг отказалась от всего, чему меня учили. Произошло какое-то духовное раздвоение. Было что-то странное в этом, я, как-будто, была на пороге какого-то откровения. А голове было так свободно. Трудно описать. Словно я была отчалившим паромом, который просто дрейфует от одной мысли к другой. Я осознала, что многим девочкам до меня, что подверглись насилию этих парней, также приходилось отказываться от своих идеалов, безнадежно ломаясь перед лицом жестокости. Только этого со мной не будет, я приму все правила, лишь бы выжить. Сделаю всё, что попросят, но не дам им

себя, истинной себя, что запрятана глубоко внутри.

Глядя на неё, Боссман понял по её лицу, что она еще не до конца приняла свою роль. Может, где-то в сознании, но не сердцем, не своим нутром. Она слышала, что он говорил о её новой жизни, но не понимала, что же это означает для неё. Он отстегнул её левое запястье, и подтянул её к краю кровати. Она села, прикрывая грудь простыней из какой-то наивной скромности.

Посмотри на меня, — приказал он.

Она посмотрела, но ничего не сказала. Он наклонился и ущипнул её сосок сквозь простыню, которой она всё ещё прикрывалась. Используя штангу в соске и тем самым доставляя ей невероятную боль, он вытащил её с кровати на пол.

<http://erolate.com/book/892/20397>